

Генри Лайон Олди

ДОРОГА

[отрывок]

Желтый песок арены, казалось, обжигал глаза. Я поморгал воспаленными веками и медленно двинулся по дуге западных трибун, стараясь оставлять центр строго по левую руку. Я был левшой. Некоторых зрителей это почему-то возбуждало.

В центре арены бесновался бес. (Хороший, однако, каламбур... не забыть бы... Аристократы ценят меткое словцо, и похоже, сегодня вечером я выпью за чужой счет...) Бес протяжно выл на высокой, режущей слух ноте, взбрыкивал окованными сталью копытами и без устали колотил себя в оголенную волосатую грудь. Он уже разодрал себе всю кожу в кровь шипами боевых браслетов, и их гравировка покрылась тусклым, запекшимся пурпуром. От когтей, равно как и от хвоста, отказались еще в Старой Эре, потому что их крепления вечно ломались, когти слетали с пальцев, а хвост больше путался в собственных ногах, чем подсекал чужие. После какой-то умник придумал шипастые запястья, и тогда же ввели узкий плетеный бич с кисточкой на конце – для сохранения традиций. Новинки прижились, бич так и прозвали – «хвостом» – но многие бесы все же предпочитали нетрадиционное оружие. Я, например, предпочитал, и ланисты нашей школы слова поперек не говорили... А хоть бы и говорили... Я махнул рукой в адрес впавшего в амок беса, и солнце на миг полыхнуло по широкой поверхности моей парной «бабочки». Трибуны загудели от восторга, я незаметно поморщился и сделал еще шаг. Второй тесак болтался на поясе, и мне было лень его доставать. И так сойдет...

Скука. Скука захлестывала меня серым липким потоком, она обволакивала мое сознание, заставляя думать о чем угодно, кроме происходящего вокруг – и я ощущал ее почти физически, вечную вязкую скуку, свою и тщательно притворяющегося беса. Я шел по кругу, он ярился в центре, но зрители, к счастью, не видели наших глаз. Ну что ж, на то мы и бесы...

Я подмигнул ему – давай, брат, уважим соль земли, сливки общества, и кто там еще соизволил зайти сегодня в цирк из свободных граждан... Давай, брат, пора – и он понял меня, он легко кувыркнулся мне в ноги, стараясь дотянуться, достать рогом колено. Я сделал шаг назад, подкова копыта ударила у самой щеки, и пришлось слегка пнуть беса ногой в живот, держа клинок на отлете. Рано еще для кровушки... жарко...

Он упал и, не вставая, махнул «хвостом». Я увернулся и снова пошел по кругу.

Выкладываться не хотелось. Для кого? Игры Равноденствия еще не скоро, к нам забредали лишь ремесленники со своими толстыми сопливыми семействами, бездельники с окраин, да унылые сынки членов городского патроната. Все это были солидные, полновесные граждане, у всех у них было Право, и плевать я на них хотел.

Я облизал пересохшие губы и сплюнул на бордюр манежа. Плевков чуть ли не задымился. Бес проследил его пологую траекторию и твердо взглянул мне в лицо.

«Хватит, – одними губами неслышно выдохнул бес. – Кончай...»

Я кивнул и двинулся на сближение. Трибуны требовали своего, положенного, и надо было дать им требуемое. И я дал. Этому трюку лет сто назад меня обучил один из ланист, и исполнял я его с тех пор раза два-три, но всегда с неизменным успехом. Вот и сейчас, когда «хвост» обвил мое туловище, я прижал его кисточку локтем и прыгнул к бесу, одновременно вращаясь, подобно волчку.

Бич дважды обмотался вокруг меня, бес не успел вовремя выпустить рукоять, и резким косым взмахом я перерубил ему руку чуть выше полосы браслета. Кисть упала на песок, бес пошатнулся, и моя «бабочка» легко вошла ему в правый бок – ведь я левша, когда сильно хочу этого. Ах да, я уже говорил...

Кровь толчком выплеснулась наружу, забрызгав мне тунику – совсем новую, надо заметить, тунику, вчера только стиранную – хрустнули ребра, и бес стал оседать на арену.

Трибуны за спиной взорвались, и в их привычном реве внезапно пробился нелепый истерический визг:

– Право! Право!...

Я обернулся. По ступенькам бокового прохода неуклюже бежал лысый коротышка в засаленном хитоне с кожаными вставками, неумело крутя над плешью огромной ржавой алебардой. За плечом у меня хрипел бес, публика сходила с ума от счастья, а я все не мог оторваться от сопящего бегуна, и проклинал сегодняшнее невезение, сподобившее в межсезонье нарваться на Реализующего Право.

Реализующий вылетел на арену, не удержался на ногах и грохнулся у кромки закрытых лож. Потом вскочил, послюнил разбитое колено – неуместный, домашний жест вызвал глумливое хихиканье галерки – подхватил выпавшее оружие и кинулся ко мне. Я подождал, пока он соизволит замахнуться, и несильно ткнул его носком в пах, чуть повыше края грубого хитона. Реализующий зашипел и ухватился за пострадавшее место, чуть не выколов себе глаз концом алебарды. Не так он себе все это представлял, совсем не так, и соседи не то рассказывали, а я не хотел его разубеждать.

Я повернулся и направился за кулисы. Мой горожанин моментально забыл о травме и зарысил вслед, охая и собираясь треснуть меня по затылку своим антиквариатом. И тут за ним встал мой утренний бес. Ремешок на его ноге лопнул, копыто отлетело в сторону, и, припадая на одну ногу, он казался хромым. Хромым, живым и невредимым.

Каким и был.

Никто и никогда не успевал заметить момента Иллюзии. Правым кулаком – кулаком отрубленной мною руки – бес с хрустом разбил позвоночник Реализующего Право; и лишь распоротая туника беса напоминала об ударе тесака, сорвавшего аплодисменты зрителей.

Реализующий подавился криком и сполз мне под ноги. Я посмотрел на ухмыляющегося беса и отрицательно покачал головой. Бес пожал плечами и склонился над парализованным человеком. Шип браслета погрузился в артерию. Реализующий дернулся и начал остывать.

Я подобрал алебарду и поднял глаза на неистовствующие трибуны. Все они были свободные люди, все они имели Право. Право на смерть. Все – кроме нас. Мы не имели. Мы – бесы. Бессмертные. Иногда – гладиаторы, иногда – рабы на рудниках. Низшая каста. Подонки.

Казармы, как обычно, пустовали. Больше часа я просидел в термах, смывая с себя пыльную духоту цирка, рассеянно разглядывая край крохотного одинарного бассейна, облицованного пористой лазурной плиткой; вода мягко пыталась растворить в своей благодати мое нынешнее смутно-беспокойное состояние, пыталась – и не могла. Такое повторялось со мной каждую осень, в ее солнечном желтеющем шелесте, повторялось давно... вот уже... много, очень много лет. Я не помнил – сколько. И чай остыл в чашке. Совсем остыл...

В шкафчике отыскалась свежая туника, на плече защелкнулась узорчатая пряжка длинной, волнистой накидки без форменных знаков различия, которые неизменно спарывал самый зеленый бес... В принципе, вольности такого рода должны были бы наказываться, но на бесовские причуды предпочитали смотреть сквозь пальцы. Да и много ли наказаний для беса? Немного. Если не считать вечности... Немного – но есть.

Есть.

Во дворе школы, на скамеечке под одиноким мессинским кипарисом сидел старший ланиста Харон. Невидящим взглядом он уставился себе под ноги, и тонкий прутик в руке его все вычерчивал один и тот же зигзаг между подошвами сандалий Харона. Жесткие, совершенно седые волосы ланисты резко контрастировали с взлохмаченными черными бровями. Я не входил в каркас Харона, но был знаком с ним вот уже сорок... нет, сорок два года. Капля в протухшем море моей жизни...